

Лев АННИНСКИЙ

«У несчастья счастьем учусь...»

опыт Ивана Переверзина

Имея почти шесть с половиной десятков лет за плечами, подводите итоги?

А ведь есть что вспомнить. Сын столыпинских переселенцев вырос в Якутии, что навсегда определило масштабность его русского самосознания.

Я родился в тайге дремучей,
белок бил, лосей добывал,
и упрямо на всякий случай
в час свободный стихи слагал.
Что из этого получилось,
знает верно один Господь,
но на стуже душа закалилась,
звонкой силой налилась плоть.

Но не только позитив определяет судьбу. Из прошлого идёт и другое.

О, Господи, какой позор
для тех, по чьей вине мне нет
сна и покоя с давних пор,
хоть проживу я тыщу лет!
А что им до меня, когда
они, считая личной властью,
одно решают без труда, —
как безнаказаннее красть...

Это о ком? Может, о тех, которые в пору переверзинского детства искали виноватого в том, сколь жестоко расплатилась страна за победу в Великой Отечественной войне, и убрали верховного главнокомандующего из ленинского мавзолея? Или это счёты более позднего времени, когда либералы выясняли, какое человеческое лицо может быть у социализма, а Союз Советских Социалистических Республик в это время мирно разваливался?

И мне не то, чтоб неохота, —
но мерзко хоть какие счёты
сводить с врагами дел святых,
ведь сами злыдни, как собаки,
в блевотном захлебнутся мраке,
ну, словно не были в живых!

Иногда Переверзин уточняет, кто эти враги. Например, доносчики сталинского времени, отправлявшие соседей в ГУЛАГ (а то и покупавшие себе прощение соглашением служить в этом же ГУЛАГе).

Иногда — но уже в шутку — он ссылается на русскую необходимость вовремя выпить: «В самый раз с товарищем напиться». Или так: «Правда всегда сурова и, как водка, пьётся до дна». Но это юмор, у нас общепринятый.

Куда существеннее испытания, которые предстоят влюблённым, если они не сохраняют лирического союза. Это — лейтмотив Переверзина (и не только его).

Где ж ты, золотая середина,
чтоб стучали в унисон сердца?
Как ни напрягай башки седины,
только и ответишь: «У Творца...»

Без Творца не обойдёмся. Но пока — сердца.
И ещё:

Останусь я непобеждённым в любви,
грозящей мне тоской.

Тоска и любовь неразделимы?
Ещё:

И кажется, что всё в начале,
и потому душой ликуй!
Коль принимаешь без печали
судьбы неверной поцелуй.

Поцелуй и неверность — в унисон?

По традиции, эти лейтмотивы вроде бы лечат, но... высекают искры...

Если искать, откуда берутся враги, — уйдёшь в Смуту, в междоусобия Красного века: там и война, убивающая кормильцев, и сталинская диктатура, помешавшаяся на предательствах... Но что уж точно выносит поэт из этого кровавого месива, так это любовь к России. Это глубинная точка. «Вера в Русь». «Вечная любовь к ней».

«По духу я великоросс, причём сурово и бессрочно».

Для эпохи, когда мировая война раскалывает страны и народы, это самоощущение естественно. Но не бессрочно! Когда эпоха мировых войн отходит в прошлое,

человечество отплатывается от атомной катастрофы и берёт террористов за горло. Любых! Какие бы доводы из горла ни звучали.

Может, наконец, нормальное чувство всечеловеческой солидарности отрешится от кровавых переворотов Смуты? Да ведь никогда такого не бывало! А если теперь — будет? Это уже новая эпоха, новая ситуация. И новое мироощущение поэта Переверзина. Так, может, это наконец счастье, обретаемое в замирившемся всечеловечестве?

«Иль это только сердцу снится, а наяву я сном объят?» «Сумрачная грусть» не отпускает душу.

«Я был и есть певец эпохи, в которой лишь остались крохи добра, зато без меры страх». Откуда этот страх? И эта «тьма в сиянье дня»?

«И к счастью точно нет дороги верней и ближе, чем сквозь тьму». Где жизнь этой тьме?

«Увы, но жизнь скорей всего — беда». И это уже без юмора. Всерьёз: «Знаю, что это жестоко всерьёз, только путь к истине тяжёлый до слёз». Где причина этой тяжести? Где источник этих слёз?

И тут мы подступаемся к теперешнему, полному горечи опыту жизни. Вроде бы нет явных угроз нормальному чувству. Но что-то мешает нормальности чувств. Что-то в самой основе человеческой природы, агрессивной и ненасытной.

Страшное, горькое открытие. Рядом со счастьем — беда. Рядом с любовью — смерть.

«Значит, снова надо с волей собираться, как на бой... Ах, ты жизненное поле, — свет то зрячий, то слепой...». В чём суть этой борьбы с беспросветом?

«В том и суть любой борьбы, чтоб оказавшись в крутоверти, — всё ж пережить удар судьбы, который равносителен смерти!..». Судьба и смерть — рядом. Объяснить это поэт не решает. Это — за пределами здравого смысла.

«И нет в душе моей ответа, и что со мной, я не пойму». Ответа нет, но есть упрямая вера, что всё это можно и нужно вынести, выдержать. Может, предшественников позвать на помощь? Например, Мандельштама: «Я погрузился в чтение строчек, где и огонь, и тьма, и свет — и отступила

звёздность ночи пред ужасом вселенских бед...». А может, поискать союзников поближе? У Анатолия Жигулина на ту же тему: «Жизнь, нечаянная радость, счастье, выпавшее мне...»

Но Переверзин не ищет соратников. Он прикован к своему горькому открытию: свет и тьма нераздельны, жизнь и смерть рядом, счастье и беда вместе... Как это может быть у Всевышнего? Не тцась ответить на этот запредельный вопрос, Переверзин изымает ситуацию у Бога и перекидывает вечному Его оппоненту — чёрту. И делает это с такой естественной откровенностью, что я поостерегусь цитировать. Ибо ни чёрт, ни дьявол ничего не знают и не объяснят. А Бог знает, но промолчит.

Когда же, не поладив с чёртом, поэт возвращается к Богу, это — помимо шага к Истине — даёт ещё и неожиданный поэтический эффект:

И слёзы лил, и чёрту верил...
Но каждый раз с огнём в груди
стучал с надеждой в Божьи двери,
и тотчас слышал: «Проходи!..»

Или так:

Возношусь всё выше, выше
словно вскоре, наконец,
в гуле золотом услышу
Божий голос: «Молодец!..»

Но лучше всего это обретение счастья через несчастье выражено, я думаю, в исповедальных строчках:

Валит сумрачный снег
без конца и начала,
будто хочет засыпать весь мир с головой.
Только мне самому неотвратно осталось
этой жизни махнуть на прощанье рукой.
Но не зря говорят,
что последней надежда
умирает, вот я, как за стебель, держусь
то за день, то за вечер —
и с песней, как прежде,
словно вновь у несчастья
счастьем учусь...

Поэзия собирает духовные силы, чтоб выдержать то, что неотвратно надвигается на нас.

Русское эхо Самары

В Самаре вышел 11-й номер за нынешний 2017 год (и уже 130-й с момента его первой публикации) литературно-художественного журнала «Русское эхо», который уже более 20 лет издаётся в этом городе под руководством известного прозаика и руководителя Самарской областной организации СП России Александра Громова.

Номер открывается рассказом Михаила Толкача «В отдельной палате» и информацией о награждении его орденом Дружбы народов «за вклад в развитие отечественной культуры и многолетнюю плодотворную деятельность», вручённым к 100-летию со дня его рождения. Увы, Михаил Яковлевич этот номер уже не увидел. Также прозу представляют прозаики Евгений Жирухов, Анатолий Улунов и Вячеслав Рубанов, а также Сергей Телевной из Моздока.

Поэтический раздел открывает Евгений Семичев, стихи которого нынче широко разошлись по России благодаря публикациям в журналах «Русское эхо», «Наш современник», «Родная Ладога», газете «День литературы» и других изданиях. Кроме того, раздел поэзии представлен стихами Анатолия Генералова (Саратов), Марии Кирилловой (Томск) и Александра Матаева (Урай, ХМАО).

Московская писательница Татьяна Воронина публикует в разделе «Драматургия» свою интересную пьесу «Селфи со Сталиным». А Николай Переяслов, помогавший создавать журнал «Русское эхо», в разделе «Литературоведение» публикует своё исследование «Об одном противостоянии», рассказывающее о сложных взаимоотношениях между знаменитым поэтом Владимиром Маяковским и не менее известным в 1920-1930 годы поэтом,

стиховедем и переводчиком Георгием Шенгели.

Имя Шенгели встречается в беглых упоминаниях в статьях о Маяковском и его стихотворениях типа «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели». А между тем Шенгели был прекрасным поэтом, замечательным переводчиком и удивительным исследователем русской поэзии, выпустившим книги

«Трактат о русском стихе», «Проблемы поэтики», «Практическое стиховедение», «Как писать статьи, стихи и рассказы», а также дерзкое исследование «Маяковский во весь рост», которое после трагической гибели Маяковского поставило Шенгели в откровенное положение врага великого русского поэта, из-за чего его имя было на долгие годы вычеркнуто из русской литературы. И только сегодня благодаря усилиям таких исследователей, как Василий Молодяков, Николай Переяслов и других, Шенгели начинает возвращаться к читателям.

В этом же разделе — статья Евгения Сартинова о творчестве Фёдора Тютчева, размышления Эдуарда Анашкина о поэте Евгении Семичеве. А завершают журнал заметки Елены Мочаловой о Втором литературном фестивале и очерк Ильи Крюкова о юбилейном литературно-художественном фестивале-конкурсе инвалидов по зрению «Нам без улыбки жить нельзя».

Наш корр.